

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-5-36>

УДК 340

Attribution

cc by

ИНСТИТУТ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВОСУДИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Хинцагова И.Т.

Автономная некоммерческая организация «Строймониторинг»

Аннотация: *Вспомогательные средства определения норм международного права, предусмотренные подпунктом 1(d) ст. 38 Статута Международного Суда ООН, долгое время оставались менее изученным элементом системы источников. Целью данного исследования является анализ правовой природы и исторической эволюции института судебных решений и доктрины наиболее квалифицированных специалистов. Задачи включают рассмотрение роли вспомогательных средств на ранних этапах развития международного правосудия, уточнение их формально-юридического статуса в отличие от самостоятельных источников права, а также оценку их фактического значения на примере конкретных дел. Методология основана на анализе доктринальных позиций, решений Постоянной палаты международного правосудия и материалов Комиссии международного права ООН. Результаты показывают, что доктрина и судебные решения исторически использовались как доказательный и аргументационный инструмент, а не как источник права. Сделан вывод о ключевой роли вспомогательных средств для уточнения норм в условиях недостаточности формальных источников.*

Ключевые слова: *вспомогательные средства определения норм международного права, статья 38 Статута Международного Суда ООН, судебные решения, доктрина наиболее квалифицированных специалистов, Комиссия международного права ООН (КМП), Постоянная палата международного правосудия.*

Финансирование: *инициативная работа.*

Original article

THE INSTITUTION OF SUBSIDIARY MEANS IN INTERNATIONAL ADJUDICATION:
EVOLUTION AND PRACTICAL APPLICATION

Iona T. Khintsagova

Autonomous Non-Profit Organization «Stroymonitoring»

Abstract: *Subsidiary means for the determination of rules of international law, as provided for in Article 38(1)(d) of the Statute of the International Court of Justice, have long remained a less explored element of the system of sources. The objective of this study is to examine the legal nature and historical evolution of the institution of judicial decisions and the teachings of the most highly qualified publicists. The tasks include an assessment of the role of subsidiary means in the early stages of the development of international adjudication, a clarification of their formal legal status as distinct from independent sources of law, as well as an evaluation of their actual significance by reference to specific cases. The methodology is based on the analysis of doctrinal positions, decisions of the Permanent Court of International Justice, and materials of the International Law Commission. The findings indicate that teachings and judicial decisions have historically been employed as an evidentiary and argumentative tool, rather than as a source of law. It is concluded that subsidiary means play a key role in the clarification of legal rules in the absence of sufficient formal sources.*

Keywords: *subsidiary means for the determination of rules of international law, Article 38 of the Statute of the International Court of Justice, judicial decisions, the teachings of the most highly qualified publicists, the International Law Commission (ILC), the Permanent Court of International Justice (PCIJ).*

Funding: *Independent work.*

Введение

Формирование института вспомогательных средств для определения норм международного права непосредственно связано с развитием концепции источников международного права и, прежде всего, со статьей 38 Статута Международного Суда ООН (далее – Статут). Именно в подпункте 1(d) данной статьи закрепляется положение о «судебных решениях и доктрине наиболее квалифицированных специалистов различных наций» как вспомогательных средствах для определения правовых норм.

Как отмечается в докладе Специального докладчика Комиссии международного права ООН (да-

лее – КМП) Ч. Джаллоха, системное внимание к данному институту в рамках КМП началось сравнительно недавно, несмотря на то что положения статьи 38 восходят к Статуту Постоянной палаты международного правосудия 1920 г [11]. В представленном докладе КМП подчеркивается, что этот элемент системы статьи 38 Статута долгое время оставался менее изученным, чем договоры, обычай и общие принципы права, хотя на практике играет существенную роль в установлении содержания применимых норм [2, с. 16].

Результаты

Развитие вспомогательных средств уходит корнями в XVI век, когда, например, доктрина имела наиболее преобладающее значение в международном

праве [12, с. 2]. Ситуация изменилась с появлением международных институтов, таких как Постоянная палата международного правосудия, Международный Суд ООН и КМП.

На ранних этапах становления и развития международного правосудия (еще до накопления обширного массива договорных режимов и «плотной» кодификации) установление содержания применимого права нередко опиралось на вспомогательные средства. Прежде всего на научную доктрину и на уже имеющиеся судебные или арбитражные решения, которые выполняли функцию ориентиров при выявлении и аргументации нормы. В доктрине прямо подчеркивается историческая роль учений публицистов. Так, например, С. Сивакумаран отмечает, что «когда-то учения публицистов считались чрезвычайно значимыми», а в XIX в. «судебные решения и литература были «усеяны» ссылками» на авторитетных авторов и напоминали «каталоги восхвалений знаменитых людей»; при этом такая практика ссылок на доктрину «продолжалась и в ранней части XX века», что отражало реальную зависимость правоприменения от доктринальных разъяснений в условиях ограниченности иных «готовых» нормативных ориентиров [10, с. 1].

Одновременно ранняя практика демонстрирует обращение к уже существующим решениям как к подтверждению и уточнению правовых положений. В исследовании А. Ноллкемпера приводится позиция Постоянной палаты международного правосудия (далее – ПМП), которая, выводя общий принцип «нет преступления без строгого закона» (*nullum crimen sine lege stricta*), ссылалась на принцип, в целом признанный в судебной практике международного арбитража, а также национальных судов, тем самым используя предшествующие решения/практику судов и арбитражей как доказательную и аргументационную основу при определении нормы [8, с. 289-290].

Обсуждение

Решения Международного Суда ООН не рассматриваются как источник международного права в формальном смысле. Их обязательная сила распространяется исключительно на стороны конкретного спора и только в пределах рассматриваемого дела. Статут Суда прямо исключает возможность придания судебным решениям характера общеобязательного прецедента [4, с. 216].

Так А. Фердросс писал, что «Судебное решение... не может никогда опираться на отдельные предшествующие решения или на доктрину. Оно может использовать предшествующие решения и доктрину, с тем чтобы установить еще недостаточно ясную норму международного права. Таким образом, судебная практика и доктрина не являются самостоятельными источниками международного права, они являются лишь вспомогательными источниками права, служащими для уяснения сомнительных положений права» [13, с. 164-165].

Тем не менее фактическое значение судебной практики значительно шире ее формально-юридического статуса. Практика свидетельствует, что решения Международного Суда оказывают существенное влияние на формирование и развитие международно-правовых норм. Они служат ориентиром для государств при выработке правовых позиций, используются в кодификационной деятельности и нередко цитируются в последующих судебных актах.

В этом ключе показательным, что при обсуждении наличия спорного обычного правила в деле *S.S. «Lotus»* ПМП анализировала решения национальных судов и оценивала их несогласованность, рассматривая такую практику как релевантный материал для вывода о существовании или отсутствии нормы международного права [8, с. 283], что подтверждается выводом суда о том, что в национальной судебной практике практически невозможно найти указания на существование правила международного права, о котором заявляет французское правительство [9, с. 29]. 2 августа 1926 года в открытом море (в районе острова Митилини, севернее Лесбоса) произошло столкновение между французским пароходом «Лотос» (*Lotus*) и турецким угольщиком «Боз Курт» (*Boz-Kourt*). Лотос спас 10 турецких граждан, включая капитана, из «Боз Курт». Восемь турецких моряков погибли в аварии. Французское судно продолжило путь и 3 августа прибыло в Стамбул, куда также были доставлены десять выживших членов экипажа турецкого судна. Турецкие власти арестовали французского вахтенного офицера и осудили его за непредумышленное убийство. Франция заявила протест, утверждая, что юрисдикция принадлежит только государству флага. ПМП в своем решении постановила, что Турция не нарушила международное право, поскольку отсутствовал запрет на осуществление уголовной юрисдикции государством, граждане которого пострадали.

В юридической практике судебные решения выполняют несколько функций: уточняют содержание договорных и обычных норм; способствуют устранению неопределенности при их применении; формируют единообразие толкования международно-правовых положений; оказывают влияние на дальнейшее развитие правовых институтов.

Следует разграничивать юридическую и фактическую роль судебных решений. С юридической точки зрения они не создают норм. С фактической – способны существенно воздействовать на международную практику и тем самым косвенно влиять на процесс формирования норм.

Так, как отмечают правоведы, отличие от доктрины и вопреки предписанию статьи 38 Статута, судебные решения могут формировать прецеденты, порождающие обычные нормы, и тем самым непосредственно участвовать в процессе правотворчества [4, с. 216].

Судебные решения Международного Суда ООН и иных международных судебных органов занимают особое место в системе вспомогательных

средств. Их роль традиционно вызывает дискуссии в доктрине, особенно в сравнении с англо-американской концепцией судебного прецедента. Так А.С. Исполинов отмечает, что в отечественной науке долгое время сохранялась позиция, согласно которой решения международных судов входят в процесс нормообразования лишь как часть международной практики – в части констатации наличия нормы или ее толкования. Ключевым нормативным основанием такого подхода является ст. 38 Статута, где судебные решения прямо названы лишь вспомогательными средствами для определения правовых норм, а не самостоятельными источниками права. Кроме того, ст. 59 Статута закрепляет, что решение Суда обязательно только для сторон спора и только по данному делу, что исключает формальное применение доктрины *stare decisis* [3, с. 81]. Прецедент в международном праве существует де-факто, однако международные суды избегают официального признания этого факта, чтобы не подрывать принцип согласия государств как основы обязательности норм. Государства, в свою очередь, прагматично используют решения судов для модернизации договоров, заполнения пробелов и устранения неясностей, не признавая при этом формальной прецедентной силы [3, с. 86].

С.В. Черниченко указывает, что решения международных и национальных судов могут использоваться для подтверждения существования обычая. Однако для этого в решении должна содержаться ссылка на конкретную норму именно как на обычную. Судебный акт должен показать, что соответствующее правило рассматривается как обязательное. Так для доказательства существования обычая иногда достаточно одного решения международного суда, если в нем прямо указано на обычный характер нормы. Особенно важными считаются решения Постоянной Палаты Международного Правосудия и Международного Суда ООН. Они обладают наибольшим авторитетом [5, с. 88].

Так С.В. Черниченко приводит в качестве примера дело Никарагуа против США, в котором Суд признал положение Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года в части «засылка государством или от имени государства вооруженных банд...» нормой международного обычного права. Это решение рассматривается как свидетельство существования *opinio juris* [5, с. 88-89]. Таким образом, судебные акты могут фиксировать как наличие обычая, так и отношение государств к нему.

Прежде чем обратиться к анализу конкретных дел, необходимо также отметить, что Международный Суд ООН, будучи главным судебным органом ООН, в своей практике последовательно опирается на статью 38(1)(d) Статута, которая относит «судебные решения» к вспомогательным средствам для определения правовых норм. Однако Суд не рассматривает свои предыдущие решения как формально обязательный прецедент (*stare decisis*). Как неоднократно подчеркивалось

в доктрине международного права, решения Суда обладают убедительной силой (*persuasive authority*) и служат прежде всего для обеспечения преемственности, предсказуемости и единообразия судебной практики. Следующие примеры наглядно демонстрируют, как Суд использует собственную предшествующую практику в качестве вспомогательного средства при разрешении споров. В качестве ярких примеров использования вспомогательных средств для определения правовых норм можно рассмотреть следующую судебную практику.

В деле *North Sea Continental Shelf Cases* Международный Суд рассматривал вопрос о том, стала ли норма о делимитации континентального шельфа по методу равного удаления, закрепленная в Женевской конвенции 1958 г., обычной нормой международного права. Спор между Германией, Данией и Нидерландами возник потому, что Германия не была участницей Конвенции и отрицала обязательность этого метода. Разрешая спор, Суд опирался не только на практику государств, но и на предшествующую судебную практику как на вспомогательное средство определения нормы права по ст. 38(1)(d) Статута. В решении он прямо сослался на позицию Постоянной палаты международного правосудия по делу *Lotus*, согласно которой совпадение практики государств само по себе не создает обычную норму без признания ее юридической обязательности [7, пара. 78].

В деле *Avena and Other Mexican Nationals* Международный Суд рассматривал спор о нарушении прав мексиканских граждан, осужденных в США, на консульское уведомление и доступ к консульской помощи по ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. [1]. Мексика утверждала, что власти США своевременно не уведомили 52 граждан о праве обратиться в консульские учреждения, что повлияло на справедливость уголовного процесса и вынесение смертных приговоров. США признавали отдельные нарушения, но оспаривали объем международно-правовых последствий, прежде всего обязанность обеспечить пересмотр приговоров.

При разрешении спора Суд прямо опирался на свою предыдущую позицию по делу *LaGrand case*, касавшемуся аналогичного нарушения ст. 36 Конвенции. В решении по делу *Avena* он подтвердил индивидуальный характер прав, предоставляемых этой статьей, международно-правовую ответственность государства за их нарушение и обязанность обеспечить эффективное средство правовой защиты в форме *review and reconsideration* [6, пара. 138].

Заключение

В совокупности это позволяет сделать вывод: вспомогательные средства (доктрина наиболее авторитетных специалистов и предшествующие решения судов/арбитражей и др.) исторически использовались как ключевой инструмент определения применимых правовых норм – не как самостоятельные источники, а как

методы доказательства, уточнения содержания и обеспечения аргументированной, предсказуемой юридической позиции в первых международных спорах.

Историческая ретроспектива демонстрирует трансформацию значимости вспомогательных средств. Если вплоть до начала XX века доктрина публицистов играла превалирующую роль ввиду дефицита нормативных ориентиров, то с развитием кодификации и учреждением международных судебных инстанций (ППМП, Международный Суд ООН) центральное место заняла судебная практика. С формально-юридической точки зрения (*de jure*), ни судебные акты, ни доктрина не признаются самостоятельными источниками международного права. Согласно статье 59 Статута Международного Суда ООН, решения обязательны исключительно для сторон спора по конкретному делу. Это императивно исключает применение англо-американской концепции жесткого судебного прецедента (*stare decisis*). Их базовая юридическая функция ограничивается уяснением и толкованием недостаточно ясных правовых положений.

В настоящее время прослеживается ярко выраженный дуализм судебных решений: при отсутствии формальной правотворческой силы, они обладают существенным нормообразующим потенциалом *de facto*. Международные судебные инстанции избегают официального признания прецедента, чтобы не подрывать фундаментальный принцип суверенного согласия государств. Тем не менее на практике судебные решения

обеспечивают предсказуемость, устраняют правовую неопределенность, заполняют пробелы в праве и служат универсальным ориентиром для государств в правоприменительной деятельности. Таким образом, решения обладают высокой убедительной силой (*persuasive authority*).

Судебные акты выступают ключевым инструментом верификации международных обычаев и подтверждения наличия *opinio juris* (убежденности в юридической обязательности правила). Как показывает судебная практика, для легитимации существования обычной нормы подчас достаточно одного авторитетного решения международного суда, в котором прямо констатируется ее статус (например, признание Судом Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН обычным правом в деле «Никарагуа против США»). Более того, предмет правового анализа для вывода о существовании или отсутствии нормы выступает согласованность практики национальных судов (что подтверждается выводами ППМП в деле *S.S. Lotus*).

Институт вспомогательных средств, будучи формально ограниченным рамками статьи 38 Статута, зачастую выходит за пределы сугубо инструментальной роли. Судебные решения выступают не просто средством толкования, они также обеспечивают системность и единообразное применения международного правопорядка.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года // Организация объединенных наций.
2. Джалло Ч. Ч. Первый доклад о вспомогательных средствах для определения норм международного права // Комиссия международного права. Семьдесят четвертая сессия. Документ ООН A/CN.4/760.13 февраля 2023. С.145.
3. Исполинов А.С. Прецедент в международном праве (на примере международного суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и суда ЕАЭС) // Законодательство. Международное право. Январь. 2017. № 1. С. 78-87.
4. Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др. М.: Наука, 1989. С. 360.
5. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко и др. - 3-е изд., испр. - М.: Омега-Л, 2008. С. 832.
6. МС ООН. Дело Авены и других мексиканских граждан (Мексика против Соединенных Штатов Америки) // Решение от 31 марта 2004 года.
7. МС ООН. Дело о континентальном шельфе Северного моря (Федеративная Республика Германия против Дании; Федеративная Республика Германия против Нидерландов) // Решение от 20 февраля 1969 года. Сборник решений.
8. Ноллькемпер А. Решения национальных судов как источники международного права: анализ практики МТБЮ // В кн.: Г. Боас, У. А. Шабас (ред.). Развитие международного уголовного права в прецедентной практике МТБЮ. 2003. С. 277-296.
9. ППМП. Дело парохода "Лотус" (Франция против Турции) // Судебное решение от 7 сентября 1927 года. Серия А. 1927. № 10. С.29.
10. Сивакумаран С. Влияние доктрин юристов-международников на развитие международного права // International & Comparative Law Quarterly. 2017. Том 66. Вып. 1. Январь. С. 1-37.
11. Статут Постоянной палаты международного правосудия от 16 декабря 1920 года // Серия договоров Лиги Наций. Т. 6. С. 379.
12. СТАН К., БРАБАНДЕРЕ Э. ДЕ. БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О "ПРАКТИКЕ", "РАЗВИТИИ" И "РАСПРОСТРАНЕНИИ". STAHN C., BRABANDERE E. DE. THE FUTURE

OF INTERNATIONAL LEGAL SCHOLARSHIP: SOME THOUGHTS ON "PRACTICE", "GROWTH", AND "DISSEMINATION" // LEIDEN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW. - CAMBRIDGE, 2014. - VOL. 27, N 1. - P. 1-10.

13. Фердросс А. Международное право / Пер. Ф. А. Кублицкого и Р. Л. Нарышкиной; под ред. Г. И. Тункина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 164.

References:

1. Vienna Convention on Consular Relations of April 24, 1963 // United Nations.
2. Ch. Jallo. Ch. The first report on supporting measures to establish the norms of international law // The International Law Commission. The fourth session of sepmis. UN documents a/cn.4/760.13 uv. 2023. B. 145.
3. A. Ispolinov. C. Precedent on international law (on the example of the International Court of Justice, the ECHR, the WTO and the Court of the EAEU) // Legislation. International law. January. 2017. No. 1. pp. 78-87.
4. Course of international law. Vol. 7. Vol. 1. Concept, subject and system of international law / Yu. a. n. Baskin, N. B. N. Krylov, D. N. B. N. Levin and S. N. B. N. M. N. M.: nauka, 1989. b. 360.
5. International law: studies for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / Ed. by A. N. A. N. Kovalev, S. N. V. N. Chernichenko et al. - 3rd ed., ispr. - M. M.: Omega-L, 2008. B. 832.
6. ICJ. Avena and Other Cases of Mexican Citizens (Mexico v. the United States of America) // Judgment of March 31, 2004
7. The UN ICJ. The case of the Continental Shelf of the North Sea (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. the Netherlands) // Judgment of February 20, 1969. A set of solutions.
8. A. nollkempera. Decisions of national courts as sources of international law: an analysis of the practice of the ICTY // in M. G. Boas, U. N. A. N. Shabas (ed.) Development of international criminal law in the case law of the ICTY. 2003. pp. 277-296.
9. Pmp. The case of the steamship Lotus (France v. Turkey) // Judgment of September 7, 1927. Series A.1927. No. 10. B. 29.
10. S'siwakumara. The influence of the doctrines of international lawyers on the development of international law // International & Comparative law Quarterly. 2017. Volume 66. Issue 1. January. C. 1-37.
11. Statute of the Permanent Court of International Justice of December 16, 1920 // The League of Nations Treaty Series. T'. 6. B. 379.
12. K. STAN. E. BRABANDER. DE. THE FUTURE OF INTERNATIONAL STUDIES: SOME OPINIONS ABOUT "PRACTICE", "DEVELOPMENT" AND "PREVALENCE". STAHN C., BRABANDERE E. DE. THE FUTURE OF INTERNATIONAL LEGAL SCHOLARSHIP: SOME THOUGHTS ON "PRACTICE", "GROWTH", AND "DISSEMINATION" // LEIDEN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW. - CAMBRIDGE, 2014. - VOL. 27, N 1. - P. 1-10.
13. A. Ferdross. International law / Translated by A. N. Kublitsky and R. N. L. N. Naryshkina; G. N. Prize winner. Edited by Tunkin, M. N. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. b. 164.

Информация об авторе:

Хинцагова Илона Таймуразовна, старший юриконсульт Автономной некоммерческой организации «Строймониторинг»,
e-mail: ilonakhintsagova@gmail.com

Илона Т. Khintsagova

Senior Legal Adviser, Autonomous Non-Profit Organization «Stroymonitoring»

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.